

Светлана МЕНГЕЛЬ

Галле-Виттенбергский университет им. М. Лютера (Германия, Галле)
swetlana.mengel@slavistik.uni-halle.de

«Harmonia vocum hebræicum cum Sclavonicis rutenicis et polonicis» — сравнительное исследование студента Симеона Тодорского и концепция «простого» языка в его «русских» переводах из Галле в начале XVIII века

1. Введение

Названный в заглавии статьи документ, небольшой по объему (3 страницы в 1/8 листа) и недатированный, был найден в архиве Фонда А. Г. Франке в Галле (*Franckesche Stiftungen zu Halle*) и уже опубликован нами как комментированное научное издание [Mengel, Schorch 2010: 562–564]. Документ хранился в папке с письмами Иоганна Генриха Михаэлиса (*Johann Heinrich Michaelis*, 1668–1738) и поэтому долгое время по ошибке считался одним из писем.

Хотя, как гласит уже название документа «*Harmonia vocum hebræicum cum Sclavonicis rutenicis et polonicis*», он представляет собой вовсе не письмо, а своеобразное компаративное лингвистическое исследование — попытку найти в церковнославянском, русском и польском языках слова, созвучные еврейским. Уже сам по себе этот факт имеет большое значение: перед нами, очевидно, первое «научное» исследование, включающее славянские языки в сравнительно-языковые штудии по ивриту. Со времен Реформации в середине XVI в. иврит становится языком образованности, а его изучение на теологических факультетах европейских протестантских университетов дает толчек к возникновению сравнительной лингвистики: *philologia sacra* определяет иврит как праязык всех существующих в мире языков. В рамках протестантской теологии изучение иврита носит обязательный характер и считается необходимым для правильного и адекватного понимания текста Библии. В XVIII в. одной из ведущих западноевропейских научных школ в этом направлении является именно школа профессора И. Г. Михаэлиса в университете Галле (см. подробнее [Mengel, Schorch 2010: 558] и далее).

Для исследователя истории русского литературного языка найденный документ представляет, однако, еще особый интерес. Именно в этой связи мы обратимся к нему сегодня еще раз.

2. Сравнительно-лингвистическое исследование студента Симеона Тодорского и концепция «простого» языка в его «русских» переводах

2.1. Вслед за заглавием документа следует оригинальная подпись его автора: *Consignavit Todorski Russus* (см. ниже {2}). Именно так Симеон Тодорский (*Simeon Todorski*, ср.: также написания *Simon Todors'kyj*, *Simon Todorskij*, *Teodorski*, *Семеон Федорович Теодорский*, 1701–1754), известный в последствии в России как законоучитель и духовник престолонаследника Петра Фе-

доровича, будущего императора Петра III, а также его невесты принцессы Фредерики Софии Августы Ангальт-Цербстской, будущей императрицы Екатерины II, как член Святейшего Синода и архиепископ Псковский, Изборский и Нарвский, записался в имматрикуляционном листе при поступлении в университет в Галле летом 1729 года, куда прибыл после окончания неполного курса Киево-Могиланской Духовной академии (1718–1727) и годичного пребывания в Академической гимназии в Петербурге.

В университете Галле Тодорский был студентом теологического факультета до 1735 года и помимо теологии с большим усердием изучал языки (немецкий, латынь, греческий, иврит, арабский и др.) в Восточной коллегии (*Collegium orientale teologicum*), куда ее руководитель профессор И. Г. Михаэлис приглашал своих особо талантливых учеников. По возвращении на родину в 1738 г. Тодорский становится профессором Киевско-Могиланской Духовной академии по классу немецкого и восточных языков, пока не отзывается в 1741 г. в Петербург на уже упомянутую выше должность законоучителя престолонаследника и его невесты, получает с 1743 г. пост архиепископа Псковского, Изборского и Нарвского, занимаемый некогда Феофаном Прокоповичем, и становится членом Святейшего Синода (см. биографию Тодорского в [Болховитиновъ 1831: 65; Шукин 1899; Winter 1956; Нічик 2002; Mengel/Schorch 2011: 546–549, Насенко 2019]).

2.2. Главной заслугой пребывания Тодорского в Галле и, как мы полагаем, его немаловажным вкладом в формировании русского литературного языка нового типа являются переводы религиозной душевспасительной литературы с немецкого на «русский» язык. Напечатанные в Галле и предназначенные для распространения в России они составляют более 2000 страниц:

- {1} (а) «Наставление къ Священному писанию или увѣщаніе въ чтеніи священнагѡ писаніа», Галле 1734, 48 стр. (Johann Arndt «Informatorium biblicum» — Einleitung zur Heiligen Schrift und Anweisung zum Lesen der Heiligen Schrift, 1605/1632);
- (б) «Чтири книги въ истинномъ христіанствѣ содержащи въ себе ученіе въ спасителномъ покааніи сердечномъ жалѣніи и болѣзнованіи ради грѣховъ истинной вѣрѣ въ сватомъ житіи и пребываніи истинныхъ неложныхъ христіанъ сложенни чрезъ Іоанна Арнда зѣ нѣмецкагѡ языка нарускыи переведенни и напечатанни въ Галѣ ꙗꙗле. году», Галле 1735, 1400 стр. (Johann Arndt «Vier Bücher vom Wahren Christentum, von heilsamer Buße, hertzlicher Reu und Leid über die Sünde und wahren Glauben, auch heiligen Leben und Wandel der rechten, wahren Christen», 1605–1608);
- (в) «Оученіе о началѣ христіанскагѡ житія Содержащееся въ четырехъ частехъ: Перваа часть въ основателномъ приведеніи къ истинному покаанію и къ вѣрѣ въ бога. Вторая часть въ простомъ наставленіи, какъ подобаеть душеполезнѡ чести священное писаніе. Третьяа часть Въ писанію сватому согласующомся показаніи какъ подобаеть богови пріятнѡ милитиса. Четвертаа часть СѢ краткомъ искушени и испитаніи, аще кто имѣеть истинную живую вѣру христа или неимѣеть. Въ Галѣ ꙗꙗле. году», Галле 1735,

104 стр. (August H. Francke «Die Lehre vom Anfang Christlichen Lebens», 1698);

- (г) «Писанию свѣтому согласующееся наставление къ истинному познаванію и душеспасительному употребленію страданія и смерти господя и спасителя нашего Исоуса Христа слѣженнаго Анастасіемъ проповѣдникомъ божиа слова», без указания выходных данных, 231 стр. (Johann A. Freylinghausen «Schriftmäßige Einleitung zu rechter Erkenntnis und heilsamen Gebrauch des Leidens und Sterbens unseres Herrn und Heilandes Jesu Christi», 1715);
- (д) «Начало хрѣстіанского ученія. Во употребленіе и въ пользу всакому право-вѣрному хрѣстіанину наипаче невѣдающим, и много изустнѣ учитиса не могущимъ изъ священнаго писанія въ кратцѣ изображенное», без указания выходных данных, 48 стр. (August H. Francke «Anfang der christlichen Lehre zum Gebrauch für die gantz Unwissende und Unfähige vieles zu lernen», 1696);
- (е) «Пѣть избранныхъ ѱалмовъ царствующаго пророка Давида съ преизвѣстными пѣсньми похвалными двоихъ церковныхъ учителей амвросіа и августина аже къ ползѣ разсианнихъ росіанъ издадошася», без указания выходных данных, 38 стр. (Psalmen 9, 72, 102, 117, 146, «Te Deum Laudamus» и. а.).

Переводы были выполнены в рамках миссионерско-просветительской деятельности галльских пиетистов — радикального неореформаторского движения, вдохновителем и организатором которого в конце XVII — начале XVIII в. являлся профессор теологического факультета и один из основателей университета в Галле пастор Август Герман Франке (*August Hermann Francke*, 1663–1727).

Основной целью пиетистов из Галле было распространение «истинного» христианства на доступном каждому верующему простом народном языке. Для ее достижения на различные национальные языки переводились Библия, программный труд Иоанна Арндта «Четыре книги об истинном христианстве» (см. {16}), а также другие пиетистские произведения (см. {1}). Миссия была направлена на Восток: от богемских протестантов через польских католиков к русским православным, чтобы достичь затем религиозных сообществ в Индии и Арабии. При этом в русском православии пиетисты видели более близкое им по духу понимание «истинного» христианства, чем в католичестве. Имеющуюся в обиходе в России церковнославянскую Библию они считали, однако, — не без основания — непонятной и недоступной простому верующему.

Среди «русских» переводов Тодорского нет перевода Библии, найденный нами документ свидетельствует о том, что он к такому переводу, возможно, готовился. Основным и центральным текстом его «русских» переводов (1426 страниц) является «Четыре книги об истинном христианстве» Арндта (см. {16}) — в полном соответствии с идеей и установкой пиетистов. Именно этот перевод, напечатанный в Галле в 1735 г., был послан в Санкт-Петербург в книжную лавку Гландера при Академии наук в количестве 812 экземпляров, 314 экземпляров было отправлено в Москву известному фабриканту и пиетисту Петеру Мюллеру, 18 экземпляров взял с собой Тодорский при отъезде на родину в Киев. Всего в различные города России, Ингерманландии и Ливляндии

дии было послано из Галле 1237 экземпляров «русского Арндта», о чем свидетельствует сохранившаяся в архиве фонда А. Г. Франке запись инспектора типографии Сиротского Дома Иоганна Генриха Гришова (*Johann Heinrich Grischow*, 1678–1754) от 1736 г.

2.3. Взял ли воспитанный в православии студент Симеон Тодорский действительно на себя смелость перевести религиозные книги на русский язык, в то время как языком церкви — и культуры вообще — в России того времени был, как мы знаем, церковнославянский? Известно, что «Четыре книги об истинном христианстве» и «другие книги из Галле», т. е. все переводы Тодорского, были запрещены в России в 1743 г. специальным указом императрицы Елизаветы как несанкционированные Священным Синодом (членом которого Тодорский уже к этому времени являлся). Д. И. Чижевский, обнаруживший «русские книги» («*russische Drucke*») в Галле в конце 30-х годов прошлого столетия, назвал их «забытой главой славянской филологии» [Čyževskij 1938; 1939; 1939/40]. Язык переводов он определил как «церковнославянский украинской редакции». С тех пор это мнение Чижевского кочует из одного исследования в другое в различных научных дисциплинах и направлениях, начиная с историка Эдуарда Винтера [Winter 1953] и кончая теологом Штефаном Райхельтом [Reichelt 2011]. Сам же Симеон Тодорский в письме к инспектору Гришову из Киева в Галле от 14 августа 1738 г. определяет язык своих переводов в их рецепции как «*eine herrliche, eine güldene, eine vortreffliche Version*», т. е. «прекрасная, блестящая, золотая версия». Какой «простой» русский язык, понятный всякому верующему (в соответствии с идеей пиетизма) и достойный для общения с Богом (в соответствии с требованиями русской православной церкви) удалось найти Тодорскому? И справедливо ли мнение Чижевского?

В. М. Живов цитирует в своей книге «Язык и культура в России XVIII века» две проповеди Симона Тодорского, произнесенные им в Санкт-Петербурге в 1743 и 1745 гг. на бракосочетание и коронацию его воспитанницы Екатерины II, как пример «гибридного церковнославянского промежуточного характера» [Живов 1996: 388–389]. Напомним, что по концепции Живова в конце XVII–XVIII в. авторы неканонических религиозных (т. е. церковнославянских) текстов, используя так называемый «механизм пересчёта», начинают вводить маркированные элементы языка повседневного употребления с целью достижения «простоты» понимания текста прежде всего на уровне грамматики. К наиболее ярко выраженным маркированным элементам относятся при этом формы прошедшего времени, т. е. формы на *-л* в русском языке по сравнению со сложной системой прошедших времен в церковнославянском.

Наши исследования русских переводов Тодорского, выполненных в Галле, показали, что он применял в них подобную технику создания «простого» языка гораздо более смело, логично и последовательно, чем это представлено в его поздних проповедях, используя при этом переводческие стратегии деления гомогенного в плане языка оригинала на различные подсорты текста в переводе [Менгель 2002; Mengel 2003; 2004; Челбаева 2015] и введения спе-

- [29] רצ rupes rutenice *Zar царь* Imperator <“rupes“ — gestrichen>/ obpotentiam, Virtutem ac fortitudinem. Item ho=/stis nempe tremendus ac reverendus proptor Strenui=/tatem suam in bellis qerendis.
- [30] קש fastidium rutenice polonice *Kat Carnifex* homo/ propter abominandam genti nostræ vitæ suæ conditionem / unicui fastidium movens.
- [31] רמק eqva polonice *rumak* Eqvus melioris notæ,
- [32] קרש splenduit Sclavonicè *zrak* facies vultus. ru=/tenice *zriacza* зрлча pupilla.
- [33] קרש vitis generosarutenice *Zorka Зорка*/ nomen proprium Cuiusdam floris elegantissimo rubore / radiantis.

Из напечатанных в Галле «русских книг» три датированы 1734 и 1735 гг. (см. выше {1а, б, в}). По архивным данным и все другие переводы Тодорского были изготовлены и напечатаны в Галле не ранее 1734 г.

На основе сравнения данных лингвистического анализа с фактами биографии Тодорского мы можем с высокой степенью вероятности датировать наш документ периодом конца 1729 – серединой 1732 г. Предлагаемые Тодорским славянские, «созвучные», по его мнению, еврейским слова свидетельствуют о его сефардском произношении, как это было принято в преподавании иврита на протестантских теологических факультетах, ср. произношение с долгими [â] и [ô] в {2}: [1] *awa* и в [7] *rod*, в отличие от [ô] и [ou], характерного для еврейских общин центральной и восточной Европы (ашкенази). Сравнение еврейских и славянских «созвучий» в исследовании студента Тодорского показало также, что автор не был искушен в других симитских языках и, в частности, в арабском, знание которых могло бы оказаться ему полезным в его сравнительных штудиях. Кроме того список еврейских слов отражает ряд других недочётов, свидетельствующих о недостаточно твердых знаниях иврита¹.

Сделанные лингвистические наблюдения сопоставимы с фактами биографии Тодорского, зафиксированными в записках Готхильфа Августа Франке (*Gotthilf August Francke*, 1696–1769) от 16 июля 1735 г. «*Einige Nachricht vom Herrn Simeon Todorski*», которые хранятся в архиве фонда А. Г. Франке. Франке-сын сообщает, что Тодорский до приезда в Галле не знал еврейского языка и начал его изучать только на теологическом факультете, достигнув менее чем за четыре года (т. е. к середине 1733) абсолютного совершенства. За два года до отъезда из Галле (т. е. опять же в середине 1733) он начал усердно изучать арабский язык и занялся зимой 1735 г. чтением Нового завета на сирийском языке. С учетом того, что Тодорский прибыл в Галле в середине июня 1729 г., датировка документа концом 1729 – серединой 1732 г. на основе выше изложенных лингвистических наблюдений представляется вполне правомерной.

Итак, документ (см. {2}) представляет собой выборку из 33 слов, взятых из Ветхого Завета на иврите и расположенных списком в соответствии с еврейским алфавитом, при этом первые три слова составляют как бы отдельный короткий список (см. {2}: [1]–[3]), а с четвертого слова (см. {2}: [4]–[33]) на-

¹ За помощь при анализе примеров из иврита я приношу сердечную благодарность моему коллеге-теологу Штефану Шорху.

чинается новый список. Напротив каждого еврейского слова дается сначала его значение на латинском языке, затем следуют «созвучные» ему слова в славянских языках. Ближайшее рассмотрение показывает при этом, что Тодорский приводит параллели не только из трех, указанных в названии документа славянских языков — церковнославянского, русского и польского: именно они, начиная с 1702 г., преподавались в *Collegium orientale* на теологическом факультете в Галле, — но еще из чешского (см. {2} *Bohemice* в [3], [26]) и украинского или, как он его называет, «малорусского» (см. {2} *apud pardos russos* в [4], [11], [21], [25]).

Искомая «гармония» иврита и славянских языков определяется на фонетическом или, точнее сказать, звуковом уровне с довольно приблизительным учетом значения. Хотя некоторые соответствия представляются более или менее удачными, ср. {2}: [31] מַרְמָר [rammāk] ‘конь благородных кровей’ — польск. *rumak* ‘конь’², [5] בְּהִיר [bāhīr] ‘ясный, светлый’ — ц-сл. *bahr багръ* <...> *bahrowy* ‘ярко красный, пурпурный’, большинство из них с современной научной точки зрения можно было бы назвать «народной этимологией». В уже цитированном примере {2}: [7] דֹּר [dōr] ‘поколение’ — рус. *rod родъ* «созвучие» достигается, например, перестановкой звуков в результате прочтения русского слова с конца.

Выбранные Тодорским из Ветхого Завета слова на иврите даются не в словарной, а в так наз. цитационной форме, т. е. так, как они представлены в библейском тексте. Почти половину из них (15 из 33-х) составляют при этом формы глаголов 3 лица единственного числа с семантикой прошедшего времени. В 5-ти случаях в качестве славянских соответствий приводятся существительные, в 4-х случаях — формы глаголов 1 или 3 лица единственного числа настоящего времени, в 1 случае — форма императива. Одну треть всех предлагаемых славянских соответствий (см. {2}: [2], [14], [25], [26], [27]) составляют формы 3 лица единственного числа прошедшего времени, т. е. грамматически корректные цитируемым еврейским. Именно они представляют для нашего исследования особый интерес.

В то время как в качестве параллелей еврейским глагольным формам с семантикой прошедшего времени из церковнославянского языка приводится, вообще, только два примера, ср. {2}: [6] בָּעַת [bīcēt] ‘он испугал’ — ц-сл. *biet біеть* ‘бьёт’, [16] לָטַל [tāl] ‘он вытаскивал, вынимал’ — ц-сл. *tul туль* ‘колчан (для стрел)’, все выше названные грамматически корректные цитируемым еврейским формам параллели из живых славянских языков, привлекаемых к сравнению, представляют собой формы прошедшего времени на -л, ср. {2}:

- [2] בָּדַק [bādak] ‘он исправлял, проверял’ — польск. *badak* <...> *badalsię*;
 [14] חָטַף [xāṭap] ‘он ловил’ — рус. *fataw фатавъ*;
 [25] נָדַב [nādab] ‘он отдал’ — укр. или малорус. *na daw надавъ*;
 [26] לָפַל <sic> [nāpāl] ‘он упал’ — рус. *napal напаль*, польск. + чеш. *napadl*;
 [27] סָתַם [sātam] ‘он заткнул, закупорил, засорил’ — польск. *zatamował*.

² Перевод на русский язык здесь и далее мой. — С. М.

При этом, если в примере [26] [nāpāl] — рус. *напаль*, польск. + чеш. *napadl* приводимая Тодорским форма на -л отражает как бы полное «созвучие» еврейскому слову, то в примерах [2] и [27] он дает формы на -л независимо от основы в еврейском или дополнительно к ней: [27] [sātam] — польск. *zatatowal*, [2] [bādaḳ] — польск. *badak* <...> *badalsię*. В примерах [14] и [25] конечные губно-губные взрывные согласные еврейских слов [p] и [b] представлены звуковым соответствием в славянском билабиальном [w]. Как известно, для украинского языка характерен переход конечного [l] в [w], что отражается в форме прошедшего времени единственного числа мужского рода, ср. укр. *писає* — *писада*. В нашем документе это представлено в примере [25] малорус. *nadaŭ надавь*. Однако в предшествующем примере [14] подобная форма трактуется как русская: рус. *fataw фатавь* (т. е. *хваталь*).

Отмеченные особенности позволяют, как мы полагаем, сделать вывод, какой языковой идиом Тодорский считал языком повседневного употребления, пригодного для создания религиозных текстов на «простом» языке. Хотя он безусловно осознавал различия между великорусским и малорусским, он не считал их разными языками, ср. {2}: [13] פִּזְרָה ([xāzāk], он был сильным) *fortis rutenice kosak Sut magni russi/ pronuntiant kasak nomen gentis nostra/ à fortitudine sic dictæ*, т. е. «русское *козак*, но великороссы произносят *казак*». Более того, его простым народным, живым, языком — в соответствии с устремлениями пиетистов (см. выше в 2.2) — было родное южнорусское наречие, насыщенное к тому же полонизмами. Именно из него Тодорский черпал маркированные элементы, необходимые для практики создания религиозных текстов на «простом» русском языке.

Этот вывод подтверждают также результаты лингвистического анализа на фонетическом и лексическом уровнях. Приведем лишь несколько примеров.

Как показывают уже цитированные примеры {2}: [25] и [14] Тодорскому было свойственно неоглушенное произношение звонкого [w] в конце слова. Последний пример [14] рус. *fataw фатавь* (т. е. *хваталь*) свидетельствует, на наш взгляд, также об отсутствии глухой фонемы /f/ в его родном диалекте, на месте которой он произносил [xv], что отражено также в примере {2}: [22] לִיָּוָה [lāwā] ‘он давал в долг’ — рус. *lifа*, т. е. *лихва* ‘проценты’. И самым марканным южнорусским фонетическим признаком в простом языке Тодорского является произношение фрикативного [ɣ], ср. {2}: [5] ц-сл. *baḥr багръ* <...> *bahrowy*; [11] ц-сл., рус., малорус. *hōra зора*; [10] рус. *hōd зодъ*, где кириллическая буква «г» в транскрипции передается как латинское [h]. Такое произношение было нормативным также в церковнославянском языке. В примере {2}: [3] ц-сл. *богатъ*, польск., чеш. *bogaty* эта особенность произношения отражена косвенно за счет того, что польское взрывное [g] и чешское фриктивное [h] не различаются.

На лексическом уровне в документе отмечаются диалектизмы, характерные для южного и юго-западнорусского ареала и только там употребляемые, ср. {2}: [12] рус. *showaju ховаю* ‘прячу’; [24] рус. *tasai* ‘хватай’ (Даль 1880) и др., а также арготизм из польского, ср. {2}: [30] рус., польск. *Kat* ‘палач’ (как соответствие еврейскому פֶּשֶׁ [kaš] ‘солома’).

Естественно, что подобные фонетические и лексические южнорусские (или «малорусские») особенности живого народного языка Тодорского не могли быть отражены в технике создания религиозных текстов на «простом» русском языке, т. к. не являлись маркированными элементами, или отражались в текстах только частично. Но, очевидно, именно этот факт позволил Чижевскому при беглом просмотре переводов Тодорского из Галле определить их язык как «церковнославянский украинской редакции» (см. выше в 2.3).

3. Выводы

Подведем итоги:

1) Представленный в статье документ является, очевидно, самой первой «исследовательской» работой, вышедшей из-под пера Симеона Тодорского, и одной из первых работ, включающих славянские языки в сравнительно-языковой анализ с ивритом. На основе лингвистического анализа и сравнения его результатов с фактами из биографии Тодорского мы датируем документ концом 1729 – серединой 1732 г.

2) Документ позволяет сделать вывод о концепции «простого» языка Тодорского, применяемого им при создании религиозных текстов на «простом» русском языке, а именно, при изготовлении его переводов немецкой религиозной душеспасительной литературы, выполненных в рамках миссионерско-просветительского движения пиетистов из Галле. В основе концепции «простого» «русского» языка, сложившейся, по всей вероятности, еще до выполнения переводов, лежит родное южнорусское наречие Тодорского.

3) Таким образом, в «золотой версии» «простого» языка «русских» переводов Тодорского, выполненных и напечатанных в Галле в 1734–1735 гг. и распространяемых в России с целью донесения «истинного» христианства до каждого простого верующего, следует ожидать осознанного и целенаправленного вкрапления маркированных грамматических элементов в церковнославянский по своей лексической основе текст не только из «великорусского», но и из «малорусского» наречия, в частности, возможного присутствия форм прошедшего времени 3 лица единственного числа мужского рода не только на -л, но и на -в, а также немаркированных южнорусских фонетических элементов, что действительно находит место в переводах Тодорского. Определение языка переводов как «церковнославянского украинской редакции» представляется в этой связи неправомерным.

Материалы Архива Фонда А. Г. Франке в Галле (Archiv der Franckeschen Stiftungen zu Halle):

Записка И. Г. Гришова, 1736 г. AFSt/W IX/3/40.

Письмо С. Тодорского к И. Г. Гришову от 14 августа 1738 г. AFSt/H C 350: 1.

«Einige Nachricht von Herrn Simeon Todorski». AFSt/W IX/III/40.

«Harmonia vocum hebræarum cum Sclavonicis rutenicis et polonicis. Consignavit Todorski Russus». AFSt/29^в.

ЛИТЕРАТУРА

- Болховитиновъ Е. А.* Исторія княжества псковскаго. Съ присовокупленіемъ плана города Пскова. Часть III. Кіевъ, 1831. 172 с.
- Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. Москва, 1880/1956.
- Живов В. М.* Язык и культура в России XVIII века. Москва, 1996. 590 с.
- Менгель С.* К истории становления русского литературного языка нового типа // Известия Академии наук России. Серия литературы и языка. 2002. № 62. С. 35–40.
- Менгель С.* Проблематика идентификации текстов «простого» русского языка. Некоторые теоретические размышления // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языковедение. 2017. № 16 (4). С. 50–57.
- Нічик В.* Симон Тодорський і гебраїстика в Києво-Могилянській академії. Київ, 2002.
- Наєнко Г.* Український складник мовотворчості Симона Тодорського // Науков і праці Кам'янець-Подільського національного університету імені Івана Огієнка. Филологічні науки. Випуск 50. Кам'янець-Подільський, 2019. С. 120–126.
- Челбаева Т.* «Русские книги» из Галле в дискурсе формирования русского литературного языка нового типа (на примере перевода Симеона Тодорского «Писанію свѣтатому согласующееся наставленіе къ истинному пвзнанію и душеспасительному оупотребленію страданія и смерти господа и спасителя нашего Иисуса Христа служенне Анастасіемъ проповѣдникомъ божіа слова», Галле 1735 / Johann Anastasius Freylinghausen „Schriftmäßige Einleitung zu rechter Erkänntniß und heilsamen Gebrauch des Leidens und Sterbens unseres Herrn und Heilandes Jesu Christi“, Halle 1715). Диссертация. Галле, 2015.
- Щукин В. В.* Симонъ (Тодорскій). Архієпископъ Псковскій и Нарвскій (бібліографическій очерк). Псковъ, 1899. 97 с.
- Čyževskij D.* Die «Russischen Drucke» der Hallenser Pietisten // Kyrios 3, 1938. S. 56–74.
- Čyževskij D.* Der Kreis A.H. Franckes in Halle und seine slavistischen Studien // Zeitschrift für slavische Philologie. 1939. Bd. XVI. S. 16–71, 153–157.
- Čyževskij D.* Zu Beziehungen des A.H. Francke-Kreises zu den Ostslaven // Kyrios 4, 1939/1940. S. 286–310.
- Mengel S.* Übersetzungsprojekte hallescher Pietisten zu Beginn des 18. Jahrhunderts auf dem Hintergrund der sprachpolitischen Diskussion um die neuere russische Literatursprache. In: Zeitschrift für Slavistik. 2003. (48) 3. S. 304–322.
- Mengel S.* Die “einfache Sprache” der hallischen Bibelübersetzungen ins “Russische”. In: V. Lehmann, L. Udolph (Hrsg.): Normen, Namen und Tendenzen in der Slavia. Festschrift für Karl Gutschmidt zum 65. Geburtstag. München, 2004. S. 233–241. (Slavolinguistica, 3).
- Mengel S.* Переводы немецких духовных песен на русский язык в конце XVII – начале XVIII веков: их рецепция в культурно-языковой ситуации России и особенности языка // P. Žeňuch u. a. (Hrsg.): Liturgické jazyky v duchovnej kultúre Slovanov. Bratislava, 2017. S. 193–204.
- Mengel S., Schorch S.* Die Harmonia vocum hebræarum cum Slavonicis rutenicis et polonicis von Simon Todorski: Ein neuer Archivfund zu vergleichenden Sprach- und Bibelstudien an der Universität Halle im frühen 18. Jahrhundert // A. Briskina-Müller, A. Drost-Abgarjan, A. Meißner (Hrsg.): Logos im Dialogos. Auf der Suche nach der Orthodoxie. Münster, 2011. S. 545–570.
- Reichelt S. G.* Johann Arndts (1555–1621) “Vier Bücher vom wahren Christentum” in Russland. Vorboten des neuzeitlichen interkulturellen Dialogs. Leipzig, 2011.
- Winter E.* Halle als Ausgangspunkt der deutschen Russlandkunde im 18. Jahrhundert. Berlin, 1953. (Deutsche Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Veröffentlichungen des Instituts für Slawistik, 2).
- Winter E.* Einige Nachrichten von Herrn Simeon Todorski. In: Zeitschrift für Slawistik, 1. Heft I. Berlin, 1956. S. 73–100.